

ЖУРНАЛ «АПОЛЛОН» И РУССКАЯ КУЛЬТУРА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА: АПОЛЛОНИЗМ И ДИОНИСИЙСТВО

На протяжении своего существования мировая культура поочередно проходит различные стадии развития, черпая творческое начало то в светлой аполлонической стихии, то в сумрачной – дионисийской, пользуясь терминологией Ф. Ницше. Так, аполлоническое основание понимается расширительно как ясность, рациональность, гармония, упорядоченность, покой; дионисийская стихия – иррациональность, динамизм, субъективизм, дисгармония, хаотичность.

Русская культура в процессе эволюции преодолевает ряд этапов. По Бердяеву, это Россия: киевская, татарская, московская, петровская, императорская и советская. Рубеж XIX – XX вв. – переходный этап между императорской и советской Россией, изменение единой социокультурной модели, получивший название модернизма.

Как явление культуры, модернизм имеет различные интерпретации. Среди них выделяется взгляд Н.Л. Лейдермана, характеризующий модернизм как воплощение хаотической, дионисийской парадигмы. Толчком к доминированию данной модели мировосприятия стали научные открытия, повлекшие изменения в мировоззрении общества, вызвавшие сомнения в стабильности и наличии определенного стержня мира, гармонического устройства Вселенной. Трансформируется вся система ценностей. Н. Лейдерман заключает: «Модернизм стал закономерным явлением в истории художественной культуры. Он осуществил ревизию всей системы духовных ценностей, опровергнув окаменелые представления и установления, он воззвал к отказу от иллюзий и утешительных обманов, дал мощный импульс обновлению художественного арсенала» [1]. Но даже преобладание какой-то одной культурной матрицы не отрицает существование иной. Аполлонические и дионисийские тенденции зачастую функционируют не попеременно, а наслаиваются друг на друга. В связи с этим представляет интерес культурологическая рефлексия эпохи, проявившаяся на страницах российской периодики.

Журнал «Аполлон» (1909 – 1917), претендовавший на универсальный охват культурных явлений, запечатлел один из важнейших этапов мировой истории, отразил особенности культуры и философской мысли межреволюционного периода в России, модификации самосознания культуры на протяжении практически десятилетнего существования журнала. Благодаря установкам редакции на возможность одновременного участия в журнале авторов, отражающих зачастую совершенно разные позиции и взгляды, удалось создать своеобразный микроскоп, во многом отражающий макрокосм русской культуры.

Так культурная миссия журнала «Аполлон» может быть рассмотрена через взаимоотношение хаоса и космоса как мировоззренческих матриц эволюции культуры. Путь такого анализа духовной позиции «Аполлона» намечает Н. Бердяев, говоря о специфике журнала, чуждого «катастрофичности», стремящегося к утверждению «утонченной» «отвлеченной» культуры, культуры «не конечной, а средней, рассчитанной на длительное существование» [2]. «Аполлон» провозглашает своей задачей необходимость «сводки», «сбора» всех положительных приобретений художественной российской культуры и отмечает все, на чем лежит печать «крошечных личных выявлений», «внутренней пустоты», «мертвого образца».

Являются ли аполлоническое начало творчества и мировоззренческий космос тождественными в своей образной структуре? Это тождество формируется в идеологической позиции журнала «Аполлон». «Аполлонизм» как выражение новой художественной мысли нашел отражение и в эмблематике названия журнала: бог Аполлон, покровитель искусств, символ «стройного», просветленного искусства высокой классики, противопоставлялся Дионису – символу стихийного, иррационального, экстатического творчества, ставшего к тому времени символом символистского искусства [3]. Создание данного ежемесячника соответствует стремлению части российской интеллигенции к установлению гармонии. Являясь журналом русского модернизма, «Аполлон», тем не менее, провозглашает своей эстетической мерой космос – космос как противопоставление хаосу, как согласие и гармонию человека и окружающего мира. «Стихия дионисизма,

тревожная и катастрофическая, бушевала в революционную эпоху. Теперь потянуло к гармонической культуре, к аполлонизму...» [2], – писал Николай Бердяев, анализируя причины возникновения журнала «Аполлон».

Аполлонические идеи прослеживаются в концепциях многих сотрудников этого издания: С. Маковского, И. Анненского, М. Кузмина, Н. Гумилева, М. Волошина и даже Вячеслава Иванова, что дает возможность предположить, что пропаганда аполлонизма в первом программном номере «Аполлона» не была голословной и имела подтверждение в творчестве авторов ежемесячника. Макс Волошин, анализируя теоретическую базу журнала, рассуждал: «Я, конечно, не назвал бы журнал «Аполлоном» ... Да и не думаю, чтобы храм Аполлона можно было воздвигнуть в России посредством журнала. Разумеется, в журнал войдут не только аполлонические элементы. Да и где теперь в России наберешь чисто аполлонических художников слова? Об этом мы много говорили уже в Петербурге [с С.К. Маковским] и приблизительно сговорились на том, чтобы считать Аполлона не противником и врагом Диониса, как Ницше, а как бога, венчающего и умиряющего дионисийскую стихию: Бога, превращающего сонмы менад в трагедию; Бога, статуя которого в Дельфах стояла над могилой Диониса. Ведь и самый Парнас был поделен между Дионисом и Аполлоном, и в зимние месяцы в Дельфах совершались служения Дионису. Словом, мы приняли Аполлона не как отрицание Диониса, а как его завершение. Да и не может быть иначе в России, где сейчас все искусство дионисично» [4].

Атмосфера, сложившаяся в среде сотрудников журнала, способствовала проявлению стремления к космической упорядоченности даже в творчестве символистов, по сути дионисийской направленности. В докладе, прочитанном в «Поэтической академии», а впоследствии опубликованном в «Аполлоне», Вячеслав Иванов сообщал, что символизм вошел в стадию «антитезы», то есть обновления. Он провозглашал: «До сих пор символизм усложнял жизнь и усложнял искусство. Отныне, если суждено ему *быть* – он будет *упрощать*» [5], и указывал направление к более объективным формам.

Иванов характеризует символический дуализм поэзии: «внешнего» (дневного) мира и «неразгаданного», «пугающего», но «влекущего» – ночного, воплощенных в именах Аполлона и Диониса – неслиянных и нераздельных, ощущаемых в каждом «истинном» творении искусства. Предпочтение отдается миру ночному, способному приобщить поэта к абсолюту, однако во имя сохранения собственной индивидуальности человек вынужден ограничивать свою «жажду слияния с «беспредельным», поэтому необходимо обращение к аполлоническому началу, олицетворяющему «ясные формы дневного бытия».

С аполлонической тенденцией творчества связано также обращение к формальному канону. В искусстве формальный канон, по определению Вячеслава Иванова, имеет особое «очистительное воздействие», вносит «начало строя». Это проявляется в воспитании строгого вкуса, уважения к традиции, отсорбации неоправданных новшеств. Однако внешнее следование своду правил («внешний канон») не является прогрессом. Для движения вперед необходимо вливание «живых сил», «вступление в брак со стихией, ищущей строя». Так, дальнейший путь символизма обусловлен, по мнению автора «Заветов», преобладанием именно «внутреннего канона».

Здесь как раз та точка пересечения концепции В. Иванова и редакционных установок «Аполлона». Будучи одним из основателей данного журнала, Иванов оказывает прямое влияние на формирование эстетических вкусов издания и предопределяет направление эволюции «Аполлона» к неоклассике. Придерживаясь данной линии, журнал «перерастает» символизм Вячеслава Иванова,

привлекая к сотрудничеству молодые силы, для которых символизм лишь «достойный отец». Они перерабатывают культурный материал предшественников и пытаются создать новое движение, заявляя об этом в манифестах с «трибуны» «Аполлона». Это приводит к отмежеванию от основ символизма, заложенных Ивановым в журнале.

Выступление Александра Блока в аполлоновской «Академии» с «Итальянскими стихами» также обнаруживает тенденцию преодоления хаоса. В связи с этим интересна пометка в записной книжке Блока: «Сколько бы Толстой и Достоевский ни громоздили хаоса на хаос – великий хаос я *предпочитаю* в природе. *Хорошим художником* я признаю лишь того, кто из данного хаоса ... творит космос» [6]. Так и у Блока прослеживается стремление к аполлонической гармонии.

Но все же наиболее последовательными приверженцами аполлонизма оказались представители «молодой редакции». По словам С. Маковского, и Вячеслав Иванов, и Иннокентий Анненский – основные идеологи журнала, по своему душевному складу были «ревностными приверженцами» не Аполлона, а как раз Диониса.

Большое значение для развития аполлонических идей в журнале имела статья Михаила Кузмина «О прекрасной ясности», опубликованная в № 4 за 1910 г. Так Кузмин пропагандирует «аполлоническую» концепцию искусства, призывая к подчинению произведений законом ясной гармонии и архитектоники. Как пример приводит романские страны, где аполлонический взгляд на искусство доминирует, воплощаясь в четкости, логике и строгости формы. Кузмин выделяет различные этапы эволюции искусства, когда «то размеряются, распределяются и формируются дальше его клады, то ломаются доведенные до совершенства формы новым началом хаотических сил, новым нашествием варваров» [7]. Среди художников отдает предпочтение именно тем, которые несут своим творчеством стройность, а не хаос и расщепленность духа. Он призывает: «Если вы совестливый художник, молитесь, чтобы ваш хаос (если вы хаотичны) просветился и устроился или покуда сдерживайте его ясной формой; в рассказе пусть рассказывается, в драме пусть действуют, лирику сохраните для стихов, любите слово как Флобер, будьте экономны в средствах и скупы в словах, точны и подлинны, – и вы найдете секрет дивной вещи – *прекрасной ясности*» [7]. Такой тип литературного творчества Кузмин с подачи В. Иванова окрестил «кларизмом».

Здесь необходимо некоторое уточнение. Кузмин своей статье дал подзаголовок «Заметки о прозе», однако его призыв вполне может быть распространен на область поэзии и даже шире – архитектуру и изобразительные искусства. Сергей Маковский вспоминал: «Аполлонизм, близкий художникам «Мира искусства», примкнувшим к журналу, остался незыблемой идеей журнала, и ее целиком восприняла «молодая редакция» с Гумилевым, Кузминым, Гюнтером, Мандельштамом. Таким образом, молодежь сразу оказалась как бы в оппозиции к одному из «столпов» журнала – Вячеславу Иванову» [8].

Молодое поколение аполлоновцев, провозглашая акмеизм, развивало заложенное при основании журнала устремление к гармонии, ясности, рациональности, упорядоченности, то есть к космосу. Гумилев и другие акмеисты своим творчеством способствовали распространению аполлоновского начала в искусстве, противопоставляя свой метод разрушительным влияниям дионисийства. В подтверждение приведем мнение А.В. Доливо-Добровольского, который, анализируя акмеизм и символизм в контексте идей Льва Гумилева, приходит к выводу: «У нас в России появление символизма и футуризма – это прямое воздействие западно-европейской цивилизации, тогда как акмеизм – это Возрождение русской классики, возврат к аполлоновскому началу» [9].

Плюрализм творческих концепций и мировосприятия, утверждаемый С. Маковским и И. Анненским содействовал оформлению аполлонических тенденций в журнале. Издательская однонаправленность и узкопартийность в идеологическом плане всегда предполагала полемику, то есть брожение, противостояние, противодействие. Плюрализм мнений авторов способствовал согласию и гармонии, возрождая к жизни аполлоническое начало. По сути, поиск гармонии и совершенства, бывший второстепенной линией в модернизме, обретает в «Аполлоне» первостепенность и законченность. Николай Бердяев отмечал: «Аполлоническое начало есть начало культурное по преимуществу, и в нем Россия нуждается. У русских почти совершенно отсутствует эстетический культурный идеал – у нас не было подлинного эстетического воспитания духа. Ограничение исключительной власти этического типа культуры типом эстетическим есть, вместе с тем, борьба за повышение русской культуры» [2].

Ко времени, когда начинает издаваться «Аполлон», символисты добиваются общественного признания, каждый художник и поэт в своем русле, наступает некоторое затишье, нивелиция борьбы. Но тут же следующее поколение творческой молодежи, выступившее на «культурную арену», порождает новый всплеск дионисийства. Таким образом, «Аполлон» отразил стремление русского общества к стабильности, показал завершенность определенного этапа развития культуры перед наступлением очередного хаоса – расщеплением модернизма и Октябрьской революцией.

Как ни парадоксально, попытка реализовать культурную концепцию ясности и гармонии была предпринята уже в пореволюционную эпоху. Космос в противоположность хаосу привлекал идеологов соцреализма упорядоченностью, ясностью эстетических критериев, определенностью творческих задач, что нашло отражение в четком структурировании и централизации писательских объединений, строгой иерархии духовных ценностей и культурных приоритетов. Но эти тенденции обнаружили скорее стагнацию, переродились в консерватизм, застой, был образован псевдокосмос. Повсеместно аполлонизму не суждено было воплотиться в предреволюционную эпоху вследствие наступавшей стадии хаоса, отраженной в авангарде революции. В «Аполлоне» литературные аполлонийские устремления к гармонии и ясности переходят в область пластических искусств, проявившись в неоклассических тенденциях (См. статьи Г. Лукомского и др.).

Очень часто «Аполлон» воспринимался представителями новых реактивных направлений искусства не просто как журнал классической, аполлонической эстетической позиции, но и как консервативный орган, отстаивающий устаревшие вкусы. «Назревало стремление к прочным основаниям в живописи, и возникает в Петербурге журнал «Аполлон» посредником между художниками и публикой... и вместо руководящего органа «Аполлон» стал обозревателем произведений живописи от Клингера, Штука и до Матисса, не зная в сущности, чем лучше тот или иной, да и что вообще хорошо в пластике... даже художники, выступавшие там со статьями, отделялись общими местами – «лапидарностью живописного стиля» и т.д., и до сегодня у нас нет специального журнала о живописи» – сетовал К. Петров-Водкин [10].

«Аполлон» более не мог быть выразителем прогрессивных идей времени. Он шел по другому пути – отстаивал классические основы культуры. Журнал отражает такого рода тенденции, тяготея по стилистике к неоклассицизму. Он стремится построить миниатюрную модель космоса, в чем противопоставил себя идеям крайнего модернизма – хаоса. Но «Аполлон» не только ратовал за космоцентрическую модель культуры, он пытался вступить в диалог с хаосом, привлекая к сотрудничеству молодые силы, изучая и анализируя новые

направления искусства, принимая или не принимая их, все же безоговорочно не отрицал.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Лейдерман Н.Л.** Космос и хаос как метамоделі мира: К отношению классического и модернистического типов культуры // Русская литература XX века: направления и течения. – Екатеринбург, 1996. – Вып.3. – С. 8.
2. РГАЛИ, ф.2262, оп.1, ед. хр.101, л.340-342.
3. **Грякалова Н.Ю.** Н.С.Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Н.Гумилев. Исследования и материалы. Библиография; Сост. М.Д. Эльзон, Н.А. Грознова. – СПб., 1994. – С. 104.
4. Письма М. Волошина к А. Гольштейн // Звезда. – 1998. – № 4. – С. 161.
5. **Иванов В.** Заветы символизма // Аполлон. – 1910. – № 8. – С.19.
6. **Блок А.** Из записных книжек и дневников // А. Блок. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Правда, 1971. – Т. 6. – С. 175.
7. Цит. по: **Кузмин М.** О прекрасной ясности. Заметки о прозе // М. Кузмин. Проза и эссеистика: В 3 т. – М.: Аграф, 2000. – Т.3. – С. 6, 10.
8. **Маковский С.** Портреты современников. На Парнасе «Серебряного века». Художественная критика. Стихи. – М.: Аграф, 2000. – С. 174.
9. **Доливо-Добровольский А.В.** Акмеизм и символизм в свете идей Л.Н.Гумилева // Гумилевские чтения: Материалы междунар. науч. конф., СПб., 15-17 апр. 1996 г. / СПб. гум. ун-т профсоюзов. – СПб., 1996. – С. 106.
10. **Петров-Водкин К.С.** Живопись как ремесло // Мастера искусства об искусстве: В 7 т. – М.: Искусство, 1970. – Т. 7. – С. 439.

SUMMARY

The article deals with the problem of the reflection of the macrocosm of Russian culture in the microcosm of the Apollo magazine. The magazine proved its name by apollonism as the main tendency of its publications.